

В. А. Игнатъев и его воспоминания

Относительная либерализация политической и общественной жизни страны в середине 1950-х-начале 1960-х гг. привела, в частности, к большей свободе творческой деятельности. Люди старшего поколения с большим жизненным опытом стремились запечатлеть события прошлого, участниками, свидетелями и наблюдателями которых они были ещё с дореволюционных времён, чтобы, таким образом, оставить потомкам свои свидетельства. Учёные-краеведы выходили с инициативами составления, сохранения и пропаганды сокровищ материальной и духовной культуры, собирали ценнейшие документы по истории, воспоминания деятелей культуры, науки, искусства, формировали коллекции документов, которые затем стали пополнять архивы.

В Пермской области этим, в частности, занимались братья Павел и Иван Степановичи Богословские, а в Свердловской области – Владимир Павлович Бирюков, коллекции которых дополнили личные фонды Государственных архивов Пермской и Свердловской областей. Благодаря им были собраны и сохранены большие коллекции, содержащие документы их научной и творческой деятельности, ценные сведения по истории культуры, литературы, образования, краеведения, медицины, материалы разных лиц, которые были заинтересованы в сохранении своего документального наследия, с которыми у них была переписка. Так, в настоящее время в Государственном краевом бюджетном учреждении «Государственный архив Пермского края» на хранении имеется семейный фонд р-973 «Богословские: Павел Степанович – профессор, доктор филологических наук, краевед; Иван Степанович – профессор, доктор медицинских наук, краевед», а в Государственном казённом учреждении Свердловской области «Государственный архив Свердловской области» - фонд р-2757 «Коллекция документов деятелей культуры, науки и техники и других лиц, собранная уральским писателем-краеведом В. П. Бирюковым», в которых хранится «пермская» и «свердловская» коллекции воспоминаний преподавателя и бытописателя В. А. Игнатъева (1887-1971), происходившего из духовного сословия, бывшего пермского семинариста.

Василий Алексеевич Игнатъев родился 9 (21 н. ст.) февраля 1887 г. в селе Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии (ныне в составе Красноармейского района Челябинской области), в семье бедного сельского диакона-псаломщика (был одним из младших сыновей). Обучался в 1897-1902 гг. в Камышловском духовном училище, в 1902-1909 гг. – в Пермской духовной семинарии, в 1909-1913 гг. – в Казанской духовной академии. Работал в 1913-1914 гг. в г. Бугуруслане Самарской губернии преподавателем русского языка и литературы в реальном училище, в 1914-1916 гг. – в г. Перми помощником инспектора в Пермской духовной семинарии, преподавал латинский язык там же и в 1915-1916 гг. в частной мужской гимназии Циммерман; по совместительству преподавал логику и

психологию в Пермской мужской гимназии. В 1916-1923 гг. проживал в г. Слуцке Минской губернии, где работал в 1916-1918 гг. преподавателем латинского языка в Слуцком духовном училище, в 1918-1920 гг. – русского языка и литературы в Слуцком коммерческом училище, в 1919-1920 гг. – латинского языка в Слуцкой женской гимназии, в 1920-1922 гг. – преподавал в Слуцкой школе 2-й ступени, в 1921-1923 гг. – работал делопроизводителем и старшим счетоводом в Слуцком отделении Центробелсоюза, был членом Слуцкого Горсовета и активным профсоюзным работником. С 1923 г. проживал в г. Екатеринбургe (с 1924 г. Свердловске), где в 1923 г. работал инспектором Екатеринбургского губоно. В 1923-1924 гг. работал на Верх-Исетском заводе (ВИЗ) («Красная Кровля») преподавателем русского языка в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В 1924 г. прошёл Областные курсы по переподготовке преподавателей в г. Свердловске. В 1924-1931 гг. работал заведующим учебной частью в школе ФЗУ и в 1931-1932 гг. заведующим фабрично-заводскими техническими курсами на ВИЗе и там же в 1932 г. преподавателем сменного высшего технического учебного заведения (ВТУЗа) ВИЗа, одновременно был преподавателем географии на отделении рабфака У.С.И. и в металлургическом техникуме при ВИЗе. В 1932-1935 гг. работал преподавателем русского языка, секретарём и библиотекарем в Вечернем коммунистическом университете при ВИЗе, в 1935-1936 гг. – преподавателем русского языка на производственно-технических курсах ВИЗа и в 1936-1939 гг. на курсах мастеров социалистического труда ВИЗа. В 1939-1943 гг. работал преподавателем латинского языка в Свердловском медицинском институте. В 1943 г. был чернорабочим цеха № 1, контролёром по вывозке дров, завхозом и заведующим складом в пионерлагере, сторожем на огороде служащих заводууправления и десятником склада топлива ВИЗа. В 1943-1949 гг. работал старшим преподавателем латинского языка Свердловского юридического института и Свердловского филиала Всесоюзного юридического заочного института, кроме того, в 1949-1952 гг., по совместительству, работал старшим преподавателем латинского языка в Свердловском педагогическом институте иностранных языков и Свердловском сельскохозяйственном институте, одновременно в 1949-1951 гг. обучался в двухгодичном вечернем университете марксизма-ленинизма при Свердловском горкоме ВКП(б), затем в 1952-1956 гг. вновь работал старшим преподавателем латинского языка в Свердловском медицинском институте. Одновременно состоял членом экзаменационных комиссий по русскому языку и литературе на приёмных экзаменах в указанных институтах. Принимал участие в работе журнала «Профтехническое образование на Урале». С 1956 г. находился на пенсии. Скончался в г. Свердловске 26 февраля 1971 г.

Происходя из низшего и беднейшего слоя выходцев из духовного сословия, пройдя три ступени духовной школы дореволюционного периода и работая в многочисленных учебных заведениях разного типа как до

революции, так и после неё, В. А. Игнатъев прожил большую и тяжёлую, наполненную огромным опытом жизнь. В 1950-1960-х гг., после выхода на пенсию, он не раз посещал свои родные края, где прошло его детство (Русская Теча), ездил в места, где учился в молодости (Камышлов, Пермь), встречался и переписывался со своими соучениками и сослуживцами. Личный опыт, множество воспоминаний, собственные впечатления и чувства, желание определить своё место в прошлом и настоящем, осмыслить прожитую жизнь побудили его к написанию мемуаров.

Родителями его были: Игнатъев Алексей Иванович (1848-1916) и Игнатъева (Тетюева) Александра Ивановна (1850-1926). Отец был причетнический сын, по увольнении из высшего отделения Пермского уездного духовного училища 13 марта 1867 г. был определён послушником в Пермский Архиерейский дом. 30 октября 1868 г. определён к градо-Пермской Рождество-Богородицкой церкви на пономарское место. 19 февраля 1869 г. посвящён в стихарь. 19 декабря 1869 г. переведён к градо-Пермской Воскресенской церкви. (1) Затем А. И. Игнатъев был посвящён в сан диакона и служил в г. Перми при Николаевской церкви пересыльного замка вместе со священником Иоанном Алексеевичем Никитиным. 25 мая 1879 г. был переведён к Спасской церкви села Теченского Шадринского уезда, поменявшись местами со своим тестем – диаконом Иоанном Васильевичем Тетюевым (2), где и служил, состоя на псаломщической вакансии, почти до самой своей смерти. В «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» за 1916 год имеется некролог диакона Алексея Иоанновича Игнатъева, составленный его сыном Алексеем: «Всегда аккуратный, скромный, приветливый, покойный о. диакон пользовался глубоким уважением и любовью как среди сослуживцев, так и прихожан. Покойный воспитал большую семью – пять сыновей и две дочери. Четыре сына о. диакона окончили Пермскую семинарию со званием студентов, а потом учились и учатся ещё в Казанской духовной академии. Двое из сыновей академию уже окончили, один из них ныне удостоен степени магистра богословия, а двое ещё учатся – один на 4 курсе, а второй – на первом. Пятый сын состоит священником в Тобольской епархии. Дочери о. диакона, получив образование в Екатеринбургском епархиальном училище, служат народными учительницами в Шадринском уезде. Стремление о. диакона дать хорошее образование и воспитание всем своим детям достойно глубокого внимания. Спи спокойно, незабвенный наш отец и друг! Ты честно совершил свой жизненный путь: в воспитании своих детей ты был подвижником. Благослови нас и помолись у Престола Всевышнего. Твои дети являются твоими неоплатными должниками. Вечная тебе память. Сын Алексей». (3)

Позднее, сам В. А. Игнатъев писал: «Из семи детей сельского дьячка три сына с высшим образованием работали учителями и две дочери со средним образованием работали сельскими учительницами, одна из них пятьдесят лет. Российское государство и в старой своей форме и в новой в балансе своих культурных деятелей получило такую силу, за которую оно не может быть в обиде на сельского дьячка А. И. Игнатъева». (4)

Первоначально значительное влияние на мемуарное творчество В. А. Игнатьева оказали учёные-краеведы братья Павел и Иван Степановичи Богословские, тоже бывшие семинаристы, которые в свою коллекцию документов стали собирать воспоминания о Пермской духовной семинарии и её выпускниках, как-то обустроившихся уже в советское время.

Переписка с Богословскими в мае 1960 г. пробудила у В. А. Игнатьева массу воспоминаний о Перми, Каме и семинарии, которые оставили в нём сердечные чувства, связанные с лучшими днями юности. И. С. Богословский в письмах побуждал и направлял В. А. Игнатьева, высылая ему фотокарточки видов г. Перми. К июлю 1960 г. Василий Алексеевич уже записал целую серию мемуаров, в которых постарался всесторонне представить семинарию (*alma mater*), составил портреты-зарисовки наиболее ярких личностей из преподавателей, отдельных семинаристов и служивых людей, составил очерки о семинарском хоре и семинаристах-певцах, о любви к семинарии и семинарской гордости. (5)

По поводу своих мемуаров он первоначально мыслил так: «Собрать бы группу из наших «бывших» на некое чтение и потрянуть воспоминаниями, хорошо бы на нейтральной почве, но с возможностью большего представительства, конечно, желающих. ... А ведь от семинарии всё-таки остались хорошие воспоминания. Юность, юность! Золотая пора! А ведь она проведена была в основном в семинарии». (6)

17-18 июля 1960 г. В. А. Игнатьев побывал в г. Перми в гостях у Ивана Степановича Богословского. Иван Степанович оказал Василию Алексеевичу радушный приём. Они вместе посетили многие памятные для них места города: обошли квартал, где находилась семинария, прошли главные улицы, здания и парки города, сделали фотоснимки, посетили кладбище. После поездки в Пермь и благополучного возвращения в Свердловск Василий Алексеевич жил только воспоминаниями о пребывании в Перми и встрече с И. С. Богословским.

И. С. Богословский предложил В. А. Игнатьеву напечатать свои воспоминания, на что Василий Алексеевич выразился скромно: «У меня не было и нет мысли о печатании моей писанины. Я считаю, что если кто-нибудь ещё почитает эти мемуары и благодаря этому вспомнит о нашем прошлом, то этого достаточно. Теперь времена этому не попутные. Получилось так, что на меня нахлынули воспоминания, сознаюсь, не без влияния Ваших писем, они побуждали меня писать... и вот получились мои мемуары». (7)

«Конечно, о бурсе пишут много плохого, и в этом есть доля правды. Взять хотя бы так называемую «тёмную». ... Есть и другие пороки, но ведь было и хорошее. Для нас, бывших бурсаков, писать о бурсе только плохое значило бы уподобиться «свинье под дубом». Тоже самое – писать отдельно об отцах (*patres nostri*), *отцы наши*. Они были не глупее нас! Мемуары, конечно, вещь субъективная, но я старался держаться по возможности объективно». (8)

Под влиянием поездки в Пермь В. А. Игнатъев продолжал писать и высылать на адрес И. С. Богословского автобиографические очерки, начало которых озаглавил иносказательно: «Детские годы Пети Иконникова». (9) По его признанию, псевдоним Пети Иконникова был выбран им случайно. Но, надо полагать, псевдоним этот появился в связи с тем, что воспоминания о детстве как о периоде складывания личности были для автора первостепенны. Им руководила потребность пофилософствовать, осмыслить собственную судьбу, разобраться в многообразии событий, определить в них своё место. В этом ему помог «Петя Иконников».

Одновременно с этим в 1960 г., он составил «Семейную хронику Игнатъевых» (10), написал очерки о соучениках в Камышловском духовном училище, биографический очерк «Трое» (11), воспоминания и биографические очерки о бывших семинаристах, работавших в г. Свердловске в 1920-1960 гг. (12), биографические очерки «Семейство Богословских» и «Профессор, доктор медицины Иван Степанович Богословский» (13), воспоминания о регенте Пермского семинарского хора М. В. Попове (14), «Очерки по истории Казанской духовной академии». (15) Свои очерки он писал с вдохновением и отправлял рукописи в обычных тетрадях по почте И. С. Богословскому в Пермь, который побуждал его продолжать писать и переправлял их своему брату П. С. Богословскому в Москву.

Попав под воздействием братьев Богословских «в плен мемуаризма», Василий Алексеевич продолжал писать всё новые и новые очерки, и зачастую стал возвращаться к старым уже записанным воспоминаниям, повторял и расширял их, появлялись новые очерки. У него возникла мысль пересмотреть свои записи и собрать всё воедино. И. С. Богословскому Игнатъев предлагал свои воспоминания озаглавить так: «Житие (имярек) с эпитафией: «Жизнь прожить – не поле перейти» и надписью «Посвящается Ивану Степановичу Богословскому». «Какое употребление сему? Думаю, что по прочтении сего, потом это подлежит сжиганию...», - написал он в письме Ивану Степановичу. (16)

Обращаясь к Павлу Степановичу, он писал: «Всё, что я писал о семинарии, было потребностью моей души: мне хотелось сохранить о ней добрую память. Написать об академии подтолкнул меня Иван Степанович. Написать биографию Иконникова побудило меня желание перебрать в памяти жизнь *ante mortem*. Последние мои записки (об Иконникове) носят, как я думаю, личный характер, почему я и писал о том, чтобы предать их кремации, но Иван Степанович находит в них какой-то бóльший смысл, поэтому я отдаю их на Ваше усмотрение». (17)

В. А. Игнатъев пережил всех своих братьев и сестёр и многих знакомых, с которыми было связано его детство. Он несколько раз посещал свои родные места – село Русская Теча и деревни по берегу реки Течи, которые подлежали выселению в связи с отъездом жителей и радиационным загрязнением после аварии на ПО «Маяк» в Челябинской области. В начале 1961 г. он взялся за воспоминания о своей малой родине, которая в памяти

его предстала ему под видом «села Горюхина» или «пошехонской старины». (18) После того как он переслал несколько очерков Ивану Степановичу Богословскому, тот одобрил их. Результатом стали «Очерки по истории села Русская Теча Челябинской области» (19) и, кроме того, отдельные очерки по истории Зауралья. (20) Объём их превзошёл даже автобиографию, семейную хронику и очерки по истории духовно-учебных заведений вместе взятых. В. А. Игнатъев описал все стороны жизни села и его окрестностей, с большим вниманием и любовью описал местных жителей разных социальных слоёв. Для местных краеведов его воспоминания – драгоценный клад. «Теча теперь разрушена «до основания», и у меня зародилась коварная мысль: дай, думаю, напишу о своей старушке и отправлю в «кладезь» Павлу Степановичу, может быть кто-нибудь потом, лет через 50 заглянет в мемуары и пожелает узнать, что получилось из Течи». (21) И. С. Богословский предлагал отправить некоторые из очерков в печать. Сам В. А. Игнатъев считал, что силы его переоценивают, и отказывался от публикации, воспоминания представлялись ему далёкими от современности.

20 апреля 1961 г. в письме к И. С. Богословскому В. А. Игнатъев писал: «Дорогой Иван Степанович! Я посылаю Вам последнюю тетрадку из мемуаров о Тече. Я написал на ней: *Dixi et animum levavi* (Я сказал, или высказался и облегчил душу). Я не знаю, кому принадлежит это выражение; чуть ли не Мартину Лютеру. Я хочу сказать, что то, о чём я писал в своих мемуарах, было велением, побуждением *animi mei*. Все эти воспоминания властвовали над моей душой и требовали от меня, чтобы я о них написал и вот: *Dixi et animum levavi*. Вы знаете, с чего началось моё писание мемуаров: Вы затронули во мне страницы прошлого из истории *alma matris nostrae*, а потом цепной реакцией пошли и другие *Memorialia*. Вы подогревали моё писание, я писал и писал их с мыслью, что может быть, кто-нибудь их почитает и вспомнит о том, о чём в них написано. Теперь я знаю, что по крайней мере два человека – Вы и Павел Степанович – их читали, и, пожалуй, «с меня и довольно сего сознанья». Я уже писал Павлу Степановичу, что если он найдёт их заслуживающим внимания, то включит их в тот фонд, который он собирает. В них всё-таки отражено прошлое. Я боюсь, что с моей стороны, было бы нескромным и претенциозным говорить о посвящении их кому-либо: вот-дескать нашелся какой-то писатель, но всё-таки хочу сказать, что мне хотелось бы, если Вы не будете возражать, передать их Вам на Ваше полное усмотрение, а именно: кодифицировать их, может быть, произвести некую корректуру и т. д. Я думаю, что всё это нужно сделать в контакте и по совету Павла Степановича. Я прилагаю настоящее письмо к моему последнему мемуару о Тече, как своего рода официальный документ, то, что по-латински называется *testamentum*. Я очень благодарен Вам за участие Ваше в моих мемуарах, а именно за то, что Вы иногда давали им направление, хотя бы[ло] очевидно, что мысли наши совпадали. Я также очень благодарен Вам и Павлу Степановичу за сердечное отношение ко мне...». (22)

Василий Алексеевич считал братьев Богословских своими поверенными и отдавал своё «творчество» на их усмотрение. Он очень беспокоился за судьбу своих воспоминаний и переживал по поводу их несовременности. «Теча, как видно, принесена в жертву победному шествию прогресса и культуры и о ней ничего не останется в памяти потомства, если только.... Теперь, когда старое уходит или уже ушло, так хочется что-либо оставить на память и обидно, почему раньше не приходила в голову мысль, например, собрать материалы по истории теченской церкви и самой Течи». (23) Он считал необходимым сохранить для потомков свои мемуары.

Ощущение «несовременности» воспоминаний у В. А. Игнатьева имело место на фоне «победного шествия прогресса и культуры». Особенно это проявилось в разгар информационной кампании в стране после первого полёта человека в космос (Ю. А. Гагарина) и продолжения хрущёвской атеистической кампании. По этому поводу он писал следующее: «Я думаю, что выход человека в космос, в частности, должен указать дорогу не в сторону атеизма, а наоборот: он знаменует отрыв человеческого ума от земли (24) в философском значении этого слова в сферы неземные. Это только начало движения: человек всё-таки останется человеком, а не захочет быть только зоологическим представителем природы. У нас часто путают два понятия: вера и религия. Это две совершенно различные вещи. Между ними такое различие, какое существует между ядром и оболочкой. Вера – это такой же составной элемент человеческой души, как разум, воля, чувство, а религия оболочка её. У нас теперь иногда говорят: я не верю в бога, а верю в коммунизм. В этих словах – глубокое заблуждение: в этом случае люди говорят не о вере, как таковой, как о функции души или особым способом организованной материи, а о религии – по форме проявления веры. Атеистом, как и нигилистом в полном смысле слова может быть только идиот, кретин или вообще человек потерявший разум. «Рече безумен в сердце своем: несть бог» (25) - вот это глубокая истина». (26) «Вопреки существующему мнению о том, что проникновение в космос является козырем атеистов, я думаю, что в тот момент, когда Гагарин пересёк границу между землей со всеми окружающими её оболочками и вылетел в космос, атеизму нанесён смертельный (*sic!*) удар. Кант указывал на аномалии человеческого мышления (мы не можем представить мир ни конечным, ни бесконечным). Если это так, то не возникнет ли у людей в дальнейшем, при изучении космоса, потребность в вере, как постулате при выработке их мирозерцания? Я думаю, что да! Кроме того по закону диалектического развития, если атеизм признать за тезис, то антитезисом ему будет какая-то форма теизма». (27)

В 1962 г., по просьбе П. С. Богословского, В. А. Игнатьевым была написана серия философских заметок «Человек-земля-космос» (28) и заметки о кибернетике (29), в которых он попытался изложить свои философские взгляды. В заметке «Человек и нормы его человечности» на основе Евангельской истории об искушениях Иисуса Христа он выразил убеждение, что Его учение, оказав глубокое влияние на историю человечества, указало

людям на те нормы поведения, которые свидетельствуют о человечности Человека и что при временных отступлениях от этих норм, человеческое в людях всё-таки восторжествует. В заметке «Человек и кибернетика», рассматривая полемику между «физиками» и «лириками» по вопросу о новой науке кибернетике, В. А. Игнатъев пришёл к выводу, что учёные, которые решили уложить мышление человека в рамки моделирования, всё равно столкнутся с тем, что человечество разобьёт их узкие рамки моделирования мозга и утвердит признание за человеком высшего чуда в мироздании. В заметке «Метафизика и реальность», рассматривая в связи с открытием космической эры появившиеся прогнозы о скором установлении связей с обитателями других планет, напоминает об определении веры по Филаретовому «Катехизису» и доказывает, что «с выходом человека в космос, тезис «бытие определяет сознание» приобретает другое значение – не ограничительное, а расширительное, а именно, что не бытие, как некая материальная среда, ограничивающая человека, а сознание его идёт впереди, и этим именно обеспечивает прогресс человечества». В заметке «О геоцентризме» раскрывает параллели в библейском учении и в современной науке о человеке – как вершине Божьего творения и одновременно как вершине эволюционного развития, и о Земле – как центральной планете мироздания и одновременно центре изучения космоса, и убеждается в том, что при бóльшем изучении космоса в сознание людей всё глубже будет входить мысль о Земле и человеке, живущем на ней – как о чудах мироздания. «Является ли человек носителем образа Божия или обладателем высшего разума с его могуществом – это будут только два определения, две формулировки одной и той же идеи, с идентичным пониманием её содержания».

В. А. Игнатъев вёл переписку с камышловским музыкальным деятелем Михаилом Михайловичем Щегловым, своим бывшим учителем пения в Камышловском духовном училище. Они постоянно делились друг с другом сведениями и фотографиями о преподавателях и учениках Камышловского духовного училища. Так, в 1962 г. В. А. Игнатъев получил от него фотографию учащихся своего выпуска 1902 г., и решил отдать долг «первому звену своего образования в духовной школе». (30) Результатом стали воспоминания и об этом духовно-учебном заведении (31), таким образом, В. А. Игнатъев составил трилогию о духовной школе до революции.

В октябре 1962 г. В. А. Игнатъев был на конференции по творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, где встретил Владимира Павловича Бирюкова, учёного-краеведа, члена Союза писателей СССР, спустя 24 года после их последней встречи. В. П. Бирюков занимался собиранием уральского фольклора, рукописей и книг, материалов уральских деятелей искусства и науки. Он выступал с идеей организации Уральского архива литературы и искусства в г. Свердловске. Эта его инициатива получила широкую известность и привлекала массу деятелей: краеведов, деятелей литературы, искусства, науки и техники всего Уральского региона, многие из которых стали передавать ему на хранение свои рукописи, переписку,

фотографии, биографические документы. В письме В. А. Игнатъеву В. П. Бирюков писал: «Вот вбил себе в голову, что надо создать Уральский архив литературы и искусства, так потому-то делу и ездил в Москву, где м[ежду] пр[очим], виделся с Павлом Степановичем Богословским». (32)

В 1963 г. В. А. Игнатъев вновь возвращается к своим воспоминаниям о семинарской юности и пишет очерк «Как создавалась «очарованная душа» (33) о своём увлечении пением и хоровыми кружками в период с детских лет и до пребывания в Белоруссии, а также очерки «Старая Пермь» и «Кама». (34) В очерках «Старая Пермь» и «Кама» он постарался показать Пермь и Каму глазами семинариста. По отзыву И. С. Богословского, В. А. Игнатъев поспешил закончить свой очерк, многое пропустил или не дописал, что объяснял его преклонным возрастом. В письме к И. С. Богословскому он писал: «Считаю, что наша семинария и даже духовное училище заслуживают того, чтобы о них сохранилась память. Конечно, это теперь не современно, но думаю, что когда-нибудь всё «утихомирится», и потомкам нашим интересно будет узнать и об этом». (35) Кроме того, он на основе своих воспоминаний составлял рассказы и педагогические поэмы. (36)

Предлагая систематизировать свои воспоминания для возможной передачи куда-либо в архив, В. А. Игнатъев выделил из них две темы: 1) «Духовная школа накануне Октябрьской революции» (трилогия); 2) «Очерки о Зауралье». «По-моему, - писал он, если их примут в «сущем виде», то так и сдать, как автограф. Если кто заинтересуется, то он найдет возможность привести в желанный ему вид». (37)

В августе 1963 г. В. А. Игнатъев и И. С. Богословский вместе совершили поездку в г. Камышлов и село Тимохино, где встретились с М. М. Щегловым, посетили само здание училища и были на родине матери И. С. Богословского. (38) В октябре 1963 г. В. А. Игнатъев посетил П. С. Богословского в Москве. (39) Ими было принято решение о наборе на печатной машинке некоторых очерков для возможной передачи куда-либо в журнал. Однако была набрана только часть очерков В. А. Игнатъева, которые не попали в печать, большинство же его очерков остались в обычных рукописных тетрадях.

Одновременно с общением с братьями Богословскими, В. А. Игнатъев ознакомил В. П. Бирюкова со своим мемуарным творчеством и стал составлять уже отдельную «свердловскую коллекцию» своих воспоминаний. Идея В. П. Бирюкова о создании Уральского архива литературы и искусства, который был организован в 1964 г. и документы которого уже находились в одном из хранилищ Государственного архива Свердловской области, а также личное желание писать, размышляя о прожитой жизни, и, кроме того, стремление отразить в очерках информацию, полученную от друзей, которых он знакомил со своими мемуарами, - всё это вместе побуждало В. А. Игнатъева к ещё большему увлечению очерками и рассказами. В письме к И. С. Богословскому он сообщал: «В. П. Бирюков всё возится с переездом сюда и обещал зайти ко мне перед маем. Я написал ему несколько очерков из

истории семинарии, восстановив кое-что из прежде написанного, что находится в Москве: некие дублиеты. Он намерен это принять в архив». (40)

В. П. Бирюков в одном из писем В. А. Игнатьеву отвечая ему, писал: «Ты очень обрадовал присылкой новых 14-ти очерков. К твоей руке я привык и читаю легко. Всё тобой написанное читаю с двойным удовольствием: вспоминаю дни нашей юности и радуюсь получению в литературный архив таких ценных материалов. Многие потом скажут тебе спасибо, а теперь - моё.

Старая духовная школа – это не теперешняя духовная же школа. Сколько из старой вышло замечательных полезнейших людей, не говоря уже о рядовых людях, которые стали врачами, учителями и вообще полезными работниками государства! Вот почему очень важно получить воспоминания бывших воспитанников этой школы.

П. С. Богословский, как он писал мне, намерен свои материалы сдать в архив Пушкинского Дома. Чуть ли даже не написал завещание на этот случай.

Выходит, что ты присылкой новых очерков проделал двойную работу, восстановив то, что отправил Павлу Степановичу. Только, пожалуйста, не подумай, что я подталкиваю тебя изменить слову, данному тобой Павлу Степановичу». (41)

Видимо, одним из последних очерков для «пермской коллекции» воспоминаний был биографический очерк В. А. Игнатьева о своём брате Алексее Алексеевиче Игнатьеве, репрессированном в 1937 г. (42)

По переезде В. П. Бирюкова в г. Свердловск в 1964 г., В. А. Игнатьев, находясь с ним в одном городе, имел больше возможностей для совместного общения и обмена информацией, он также посещал его в областной клинической больнице во время болезни, куда приносил и свои новые рукописи. И. С. Богословскому В. А. Игнатьев сообщал: «Дорогой Иван Степанович! ... Сейчас у меня «Справочная книга» в память столетия Пермской дух. семинарии, издание свящ. Иакова Шестакова, которую дал мне Влад[имир] Павл[ович] Бирюков. Делаю выписку всех окончивших, ушедших на гражданскую службу. Дошел до 1883 г. (вып. 39) и записал уже 331 чел. Боже мой! Кого только тут нет! Профессора, врачи, чиновники *et cetera, et cetera!* ... Думаю свои выписки оформить в виде статьи для вящей славы *alma mater*. Отсюда – всякие попытки принизить значение семинарии нашей глупы и смешны». (43)

Из письма В. П. Бирюкова В. А. Игнатьеву: «Благодаря твоим очеркам я имею довольно хорошее представление о духовно-академическом ученье, в частности, о том, что оно заставляло студентов много заниматься самостоятельно и одновременно много писать, как, вероятно, нигде больше в старой высшей школе. Невольно приходится сравнивать получаемую теперь «рукописную» квалификацию в вузах и прежде в духовных академиях, - не в пользу первых. Подозреваю, однако, что и над духовными академиками ты стоишь выше в этом, «рукописном» отношении, головой. Даже убеждён в этом». (44)

28 марта 1966 г. в г. Москве скончался Павел Степанович Богословский. Исполняя его волю, 14 июня 1966 г. его младший брат Иван Степанович и сын Нестор Павлович Богословские передали собранные им документы в Государственный архив Пермской области. (45) В письме В. А. Игнатьеву И. С. Богословский сообщал: «Часть архива Пав[ла] Степ[ановича], которая была в Перми (13 ящиков) – нами передана Пермск[ому] обл. архиву. В июле предполагается перевести в Пермь архив П.С., находящийся в Москве. За ним поедет сотрудник Пермского архива. Пермский обл. архив имеет новое специальное здание, специализированный штат служащих, современное хранилище, и я склонен и свой небольшой архив передать ему. ... Я не знаю Свердловского архива, в частности Бирюковского, и являюсь сторонником Пермского. Если у Вас мемуары в копиях – то, думаю, что копии следует разделить по архивам. Свои материалы (некоторые) имею в копиях, оригинал оставляю у себя (домашний архив)». (46)

Таким образом, «пермская коллекция» воспоминаний В. А. Игнатьева поступила в семейный фонд Богословских и сегодня хранится в Государственном архиве Пермского края (Ф.р-973). Музыкальные ноты В. А. Игнатьева И. С. Богословский передал в нотный отдел Пермской областной библиотеки им. А. М. Горького. Материалов В. А. Игнатьева в фонде П. С. Богословского (Ф. 690), переданном им на хранение в рукописный отдел Пушкинского дома, нет.

В 1968 г. В. П. Бирюков составил обзор рукописей В. А. Игнатьева (47), переданных им для хранения в Уральский архив литературы и искусства.

В. А. Игнатьев скончался в г. Свердловске 26 февраля 1971 г. Он был женат с 18 апреля (1 мая н. ст.) 1914 г. на Анне Фридриховне Игнатьевой (урождённой Иоанне-Луизе Фридриховне Зигер), которая родилась в марте 1886 г. в имении Юргенгоф около г. Юрьева (Тарту) в семье немецкого фермера евангелическо-лютеранского вероисповедания Карла-Фридриха Георгиевича Зигер. Образование получила в частной Юрьевской женской гимназии Сальмон. В Курском реальном училище сдала экзамен на звание домашней учительницы немецкого языка. Работала преподавательницей немецкого языка: в 1912-1914 гг. – в г. Бугуруслане Самарской губернии (во II женской гимназии и одновременно в 1913-1914 гг. в высшем начальном и реальном училищах); в 1914-1916 гг. – в г. Перми (в Пермской мужской гимназии имени императора Александра I); в 1916-1923 гг. – в г. Слуцке Минской губернии (в женской гимназии, коммерческом училище и школе второй ступени); после 1923 г. – в г. Свердловске (в Короленковской школе второй ступени и одновременно в школе печатников, затем в металлургическом техникуме). Скончалась 23 ноября 1975 г. в г. Свердловске. Детей они не имели.

Почти через 5 месяцев после смерти В. А. Игнатьева, 18 июня 1971 г. в г. Свердловске скончался В. П. Бирюков. Согласно его воле собрание Уральского архива литературы и искусства поступило на хранение в Государственный архив Свердловской области, образовав в нём отдельный

фонд. Таким образом, «свердловская коллекция» воспоминаний В. А. Игнатъева хранится в настоящее время в Государственном архиве Свердловской области (Ф. р-2757).

Иван Степанович Богословский скончался в Перми в 1979 г.

В отличие от «пермской коллекции» «свердловские» мемуары Игнатъева не датированы. Заканчивая каждый очерк, отправляемый И. С. Богословскому, В. А. Игнатъев ставил полную дату и указывал свердловское время, а И. С. Богословский указывал иногда и дату получения по почте. Очерки, переданные Игнатъевым В. П. Бирюкову, датировки, практически, не имеют. Примерная датировка указана только в архивной описи. (48)

В 1964-1968 гг. В. А. Игнатъев по памяти и в процессе общения с близкими знакомыми (бывшими семинаристами и земляками) восстановил и в значительной степени повторил «пермскую коллекцию», в то же время, дополнив её новыми воспоминаниями. Так, воспоминания о Пермской духовной семинарии в «свердловской коллекции» начинаются с очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» и «Кама» (49), содержат очерки: «Черты семинарского быта», о семинаристах-певцах, музыкантах и декламаторах, «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской революции» (последний является переработанным очерком «Наша семинария в период первой империалистической войны» из пермской коллекции»), продолжают в «Очерках о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» (50), которые содержат, кроме того, и воспоминания о преподавателях и лицах из обслуживающего персонала. В то же время очерк с описанием семинарии «*Alma mater*» и некоторые другие очерки из «пермской коллекции» в «свердловской» отсутствуют.

Остальные очерки В. А. Игнатъева в «свердловской коллекции»: «Из семейной хроники Игнатъевых» (51), очерки по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии (52), очерки о соучениках и друзьях в Камыловском духовном училище и заметки о педагогическом составе Камышловского духовного училища (53), «Казанская духовная академия» (описание и преподавательский состав) (54), очерки по истории профессионально-технического образования на Верх-Исетском металлургическом заводе (55), автобиографические воспоминания. (56) Имеется очерк «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте (наблюдения, размышления, встречи, раздумья, радости и огорчения – всё то, что является результатом «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»)» (57) и другие очерки, рассказы и педагогические поэмы. В. А. Игнатъев писал не только о бывших семинаристах, интересен также его очерк «Епархиалки», в котором автор постарался вывести образы дочерей духовенства Камышловского и Шадринского уездов Пермской губернии, окончивших Екатеринбургское епархиальное училище и служивших на поприще народного образования в Зауралье в тяжёлых условиях до и после 1917 года. (58) В своих автобиографических воспоминаниях в «свердловской коллекции» автор уже не использовал псевдоним «Петя Иконников» и вёл повествование от первого лица, а очерки «Пути и перепутья моей жизни и

педагогической деятельности («Повесть временных лет»))» (59) с эпитафией «Жизнь прожить – не поле перейти» посвятил В. П. Бирюкову. Последний был убеждённым атеистом, в отличие от православных профессоров братьев Богословских. В связи с этим обращают на себя внимание «Очерки на библейские темы» (60), датированные В. А. Игнатьевым 1967 г., которые носят уже атеистический характер, в отличие от философских заметок 1963 г. в «пермской коллекции». Также обращает на себя внимание отсутствие в «свердловской коллекции» писем П. С. и И. С. Богословских к В. А. Игнатьеву за 1960-1964 гг.

В 2016 г. ГКБУ «Государственный архив Пермского края» и Пермская митрополия Русской Православной Церкви заключили Соглашение о сотрудничестве для совместного и согласованного осуществления деятельности в целях сохранения исторической памяти о событиях и людях Пермского края, воспитания патриотизма, духовности и нравственности у молодёжи, формирования чувства гордости жителей Прикамья за свою малую Родину. В конце 2016 г. в ГКБУ «ГАПК» была подготовлена публикация сборника документов «Образование в Пермской губернии XIX-нач. XX вв. Из истории духовно-учебных заведений» (61), один из разделов которого был посвящён Пермской духовной семинарии. Тогда же возник замысел подготовки отдельного и более полного издания воспоминаний В. А. Игнатьева о Пермской духовной семинарии с целью: с одной стороны, разработки его содержания и изучения личности автора для научных исследований, с другой стороны, ознакомления широкого круга читателей с этим мемуарным источником.

Пермская духовная семинария – старейшее учебное заведение в Перми и имеет большую историю. Она являлась центром христианского просвещения во всём Пермском крае. Семинария была открыта 11 (23) ноября 1800 г. Все духовно-учебные заведения (училища, семинарии и академии) имели широкие задачи – готовить как квалифицированные кадры духовенства, в том числе монашеские кадры, так и кадры светских деятелей – преподавателей светских предметов. Центральное место в учебной программе занимал цикл богословских наук. Кроме богословских предметов в учебном плане были и другие – светские предметы. Духовно-учебные заведения имели в своём основании консервативный «дух»: они ставили целью не столько само умственное развитие, сколько дисциплину ума, указывали духовно-нравственное направление развитию способностей молодых людей. Выпускниками их были как многие известные религиозные деятели, так и деятели науки, самоотверженные учителя и врачи, люди с глубоким сознанием долга, воспитатели и учителя многих знаменитых учёных. Деятельность выпускников духовно-учебных заведений отличалась разнообразием и многогранностью своей деятельности.

11 (24 н. ст.) ноября 1900 г. отмечалось 100-летие Пермской духовной семинарии. Она была одной из лучших духовных школ в России. За период 1800-1917 гг. её окончило более 3000 человек. Самыми известными

выпускниками из духовных лиц были: архиереи Иннокентий (Коровин), Иона (Капустин), Палладий (Пьянков), Стефан (Знамировский), Аркадий (Ершов); протоиереи Г. А. Пьянков, А. М. Луканин, Е. А. Попов, И. А. Никитин и др. В Пермской духовной семинарии обучались или закончили её около 50 священномучеников Русской Православной Церкви XX века. Из светских лиц самыми известными были: В. М. Флоринский, П. И. Макушин, П. Н. Серебренников, А. С. Попов, А. В. Карташёв, П. П. Бажов, В. С. Верхоланцев и др. Образование, полученное в семинариях, особенно в части философии, психологии, дидактики, древних языков, давало выходцам из духовного сословия, возможность продолжить обучение в светских высших учебных заведениях – университетах и институтах, а также преподавать и врачевать, в том числе и после революции, занимая значительное место в рядах интеллигенции 1920-1930-х гг.

15 марта 1918 г. последовало закрытие Пермской духовной семинарии (ее здание было конфисковано для нужд ВЧК (62)). Деятельность Пермской духовной семинарии возобновлялась на несколько месяцев в 1919 г. Более 70 лет в Перми не было духовно-учебных заведений. В новейшее время деятельность Пермской духовной семинарии возобновлена 25 декабря 2009 г. (63) Она является современным учебным заведением с высшим духовным образованием для подготовки достойных священнослужителей Русской Православной Церкви.

К воспоминаниям о Пермской духовной семинарии в XIX веке не раз обращались и писали её историю, используя официальные документы: архимандрит Иероним (Лаговский), Н. Н. Новиков, Н. П. Седых, священник И. В. Шестаков.

История Пермской духовной семинарии начала XX века, её преподавателей и студентов остаётся малоизвестной. За 100 лет со времени её закрытия к её истории обращались крайне редко. (64) Воспоминания же В. А. Игнатьева всё это время вообще оставались невостребованными.

В. А. Игнатьев обучался в Пермской духовной семинарии в 1902-1909 гг., в течение 7 лет (оставался на повторительный 2-й курс по причине болезни), и был помощником инспектора Н. И. Знамировского и преподавателем латинского языка в 1914-1916 гг. Он описал внутреннее и внешнее устройство семинарии, включил портреты-миниатюры преподавателей и студентов, так как запомнил их сам и, отчасти, узнал от своих знакомых. Его воспоминания позволяют узнать много интересного об учебном процессе, досуге, быте, фольклоре семинаристов. Кроме того, воспоминания В. А. Игнатьева могут помочь понять и оценить духовную атмосферу крайне сложной дореволюционной эпохи. С одной стороны, это был период развития российской науки и образования, с другой стороны, эти годы были временем духовного кризиса общества, особенно молодой его части – учащегося студенчества.

По мнению доктора исторических наук, протоиерея Алексея Николаевича Марченко, Православная церковь в России в синодальный период «существовала под плотной государственной опекой, лишавшей её

возможности самостоятельного развития, выражения собственного мнения и церковно-общественной инициативы». К началу XX века «кризис монархической государственности и «казённого» православия созрел окончательно». В то же время это было временем своеобразного «религиозного пробуждения», когда для многих представителей образованного слоя российского общества вопросы религии и Церкви стали «базисными». На почве духовной неудовлетворённости в среде российской интеллигенции стало развиваться богоискательство, появилось стремление к общению с Православной Церковью». Богоискатели понимали и искренне желали церкви восстановления её общественного авторитета путём освобождения от удушливых объятий государства и изжившей себя старой синодальной системы церковного устройства. Однако этим мечтам не было суждено осуществиться». (65)

Имеются воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), как духовного лица, который тоже описывает годы, проведённые в духовной школе, как студентом, так и преподавателем, и ректором (1877-1902 гг.). И если митрополит Евлогий в молодости представляется «взыскующим града Господня» (т.е. стремящимся к священнослужению), то Игнатъев в этом случае – «отбывателем» (т.е. пользующимся своим происхождением для получения образования за «казённый счёт», а затем служащим по требованию духовного начальства). Он сам признавал, что «люди, не собиравшиеся посвятить себя в священнослужители, отсиживались в этих классах [богословских – Ред.] в силу того, что податься было не куда, а если и представлялась возможность куда-либо поступить, то для этого требовалась подготовка, на которую не всякий мог решиться. Повинуясь этому общему течению и Петя [т.е. автор – Ред.] отсиживался с затаённой мыслью поступить потом в какое-либо высшее учебное заведение». (66)

Митрополит Евлогий называл старца преподобного Амвросия Оптинского своим спасителем от духовного разложения в те годы. У В. А. Игнатъева такого духовного наставника не было. Видя фальшь и двуликость современной эпохи, когда слова были одни, а реальность другой, и она не менялась к лучшему, большая часть учащегося студенчества оказалась подвергнута возрастным искушениям, которые становились настолько сильными, что вызывали оппозиционные и нецерковные настроения. Некоторое влияние в этом отношении на умы семинаристов исходило даже от преподавателей. Обострение внутренних противоречий пронизывало всё общество, всё больше людей осознавало, что жить «по-старому», отрицая необходимость преобразований, уже невозможно. Даже в духовных семинариях и академиях такие настроения, выливались порой в волнения и беспорядки, особенно во время революции 1905-1907 гг. Всё кипело, бурлило, заставляло митинговать и дискутировать. Ещё ранее, будучи инспектором Владимирской духовной семинарии, митрополит Евлогий вспоминал: «Была коренная фальшь в участи моих воспитанников. Молодежь, в большинстве своём стремившаяся на простор светской школы, втискивалась в учебное заведение, весь строй которого был церковный.

Придѣшь, бывало, на молитву — в огромном зале стоят человек триста-четыреста, и знаешь, что 1/2 или 1/3 ничего общего с семинарией не имеют: ни интереса, ни симпатии к духовному призванию. Поют хором молитвы, а мне слышится, что поют не с религиозным настроением, а со злым чувством; если бы могли, разнесли бы всю семинарию...» (67)

Хотя В. А. Игнатъев и не был одним из активных участников революционных беспорядков, но он не смог не пропустить эту атмосферу через себя. В то же время учился он, хорошо, каждый раз заканчивая класс по 1-му разряду. О своих мыслях на будущее выразился так: «В начале июня 1909 г. я закончил учение в Пермской духовной семинарии и оказался на распутье: что делать с собой дальше? Вопрос о том — «надевать или не надевать рясу» - уже давно был мной решѣн отрицательно: нет, ни при каких обстоятельствах. Так что же делать? Думать о консерватории, о чѣм иногда раньше появлялась коварная мысль, нельзя: для меня было ясно, что это значит заведомо тешить себя тем, что называют *pia desideria* (благопожелания). Университет или, как многие делали, ветеринарный институт? Но где средства? Думал и так: поступлю в учителя, подзаработаю денег и поеду учиться дальше: так делали иногда кончившие семинарию. Летом на каникулы приехал из Казани брат Алексей, студент третьего курса Казанской духовной академии, священник, и подал мысль о поступлении в академию. Обычно в академию абитуриенты семинарии поступали по командировкам, но бывали случаи, что поступали и по личной инициативе. Так как я окончил семинарию по первому разряду (студентом), то мне предоставлялась возможность поступить по конкурсному экзамену. Принявши в соображение мотивы *pro* и *contra*, я решил попытаться поступить в академию в виде некоторого компромисса со своими желаниями и устремлениями, так как заниматься богословскими науками, откровенно говоря, мне не хотелось, но, думал я, окончу академию — пойду в учителя: так делают многие». (68) Таким образом, В. А. Игнатъев был одним из выходцев из духовного сословия, которые не разделяли взгляды своих отцов, не пользовавшихся к началу XX века, в большинстве своём, уважением в обществе, и недовольные своим материальным положением, были озабочены поиском возможностей для светской службы. В то же время он сохранял первое время связь с сословием, системой духовно-учебных заведений, которые дали ему образование и первые годы карьеры, не забывал о своих семейных корнях. Отучившись в духовной семинарии и духовной академии, В. А. Игнатъев был обязан, как пользовавшийся содержанием за счёт духовно-учебного капитала, отслужить в духовном ведомстве 6,5 лет или же уплатить 1088,20 руб. долга. (69) Таких денег у него, естественно, не было.

Революционные события 1917 года явились катастрофой для духовного образования в России. Ещё во время учёбы в духовной академии к кому-то В. А. Игнатъев относился резко отрицательно, как например, к митрополиту Антонию (Храповицкому), который, кстати, очень критически мыслил о тогдашнем устройстве духовно-учебных заведений. «Он был из тех архиереев, которые давали самую мрачную характеристику всей системы

духовного образования Русской Православной Церкви: «Строй духовно-учебных заведений, как унаследованный из мира западных еретиков, приводит дело Духовной школы до крайнего безобразия». Передавая слова неназванного им архиерея, он писал: «Должно всю ее разогнать, разломать, вырыть фундамент семинарских и академических зданий и взамен прежних на новом месте выстроить новые и наполнить их новыми людьми». ... Архиепископ Волынский Антоний предлагал сократить в академических программах преподавание богословских систем и расширить изучение Священного Писания и Святых отцов: «Система православного богословия есть ещё нечто искомое, – писал он, – и потому должно тщательно изучать его источники, а не списывать системы с учений еретических, как это делается у нас уже 200 лет». (70) Он подчеркивал общественную миссию Церкви и развивал целую систему пастырского душепопечения, которое было бы приближено к интересам жизни и к интеллектуальному уровню общества. «Его прямота, граничащая с резкостью, на многих, особенно на инакомыслящих, производила крайне отрицательное впечатление». (71)

В автобиографических очерках В. А. Игнатъева имеется эпизод с описанием сложного душевного кризиса, пережитого им в начале обучения в академии: «В самом начале занятий на первом курсе П. А. пережил психологический шок, тяжёлую душевную борьбу, некий «вызов небу». Умер студент второго курса, ближайший друг А. К. Рыбакова – Алмазов. Цветущий, жизнерадостный юноша – и вдруг смерть! Это так потрясло П. А., что он только и думал о смерти. Его неотступно преследовала одна и та же мысль: это может быть и с ним. Дальше он стал искать и виновника этого «там». Он стал внушать себе мысль, что нужно всегда думать о смерти и быть готовым отказаться от неё. (72) Он был готов сказать «тому»: если «ты» так делаешь, то возьми её (жизнь) сейчас: я готов. Потом это настроение прошло. Но что это было: пароксизм сумасшествия?» (73) К кому-то В. А. Игнатъев относился незаслуженно пренебрежительно, например, преподавателю по аскетике иеромонаху Афанасию (Малинину) и другим монашествующим, многие из которых впоследствии приняли мученический венец, о чём он и не знал.

А спустя полвека он так сформулировал своё общее отношение к кризису духовного сословия дореволюционной России, на примере отношения к местному теченскому духовенству: «Теперь, когда прошло уже много лет, прошлое предстаёт в другой несколько окраске, чем воспринималось тогда. Многие, что раньше казалось малозначащим, не заслуживающим внимания, теперь именно предстало как непозволительная оплошность, грубая ошибка, которая повлекла за собой тяжёлые последствия. Первородным грехом [духовенства] явилось отсутствие скромности, а вследствие этого неправильное отношение к окружающей среде. Невнимание, а иногда и грубое игнорирование достоинства окружающих людей повело к потере уважения к представителям духовенства. ... Многие были позволены на глазах у «малых сих», чего нельзя было позволить. А «они» наблюдали и «мотали на ус». Потеря же

достоинства вытекала из того, что ослаблено было внимание к внутренней, интимной стороне жизни духовенства: считалось, что обрядность, внешнее благочестие – это всё, что нужно для духовного лица. Только эта сторона жизни и быта видна была и высшим органам церковной власти. Крайняя условность обеспечения в виде натуральной оплаты, так называемых сборов, ставила духовенство в двусмысленное положение по отношению к «пастве», с одной стороны, и будило стяжательский инстинкт, с другой стороны. Среди духовенства в большом ходу были распространены характеристики приходов и деление их на богатые и бедные приходы. Мотивами «богатства» или «бедности» приходов иногда открыто обосновывались просьбы о переводе на другое место. Увлечение материальной стороной своего быта было вторым первородным грехом духовенства. Здесь речь идёт не [о] пренебрежении к материальной стороне быта, а об излишествах, притом часто бьющим в глаза настолько, что за ними из духовного облика «пастыря» ничего не оставалось. Скромнее, сдержаннее следовало бы вести себя на глазах у всех и детям духовенства. К сожалению, это не всегда соблюдалось, а «те» наблюдали и наблюдали. Правда, в заслугу последним надо поставить то, что они кое-что делали по поднятию культуры на селе...

Духовенство тоже нельзя рассматривать как некую однородную порочную массу. Среди него были лица, пользовавшиеся уважением своей «паствы», но тем печальнее было то, что были отступления от нормы, в пределах которой должен был бы сохраняться престиж сословия». (74)

Отрицательное отношение к монашеству, атеистическая пропаганда, кампания советской власти по вскрытию и уничтожению мощей святых, «обновленческая лихорадка» (по мнению автора) в жизни Церкви, трагедия и «хождение по мукам» его братьев-священников (75) поколебали его отношение к самой Православной церкви.

Его воспоминания являются единственным и очень специфическим мемуарным свидетельством о Пермской духовной семинарии начала XX века. В связи с этим необходим осторожный подход к изучению его мемуаров. Особенностью их является то, что автор писал по прошествии столетия с того времени, когда вышел из семинарии, следовательно, он мог утратить более точные сведения из-за возрастных провалов в памяти и, возможно, поэтому писал не однажды, а продолжал писать в течение нескольких лет, зачастую возвращаясь к своим старым воспоминаниям и делая их отдельные расширенные редакции. Выступая в роли историка, В. А. Игнатьев сделал попытку раскрыть историю Пермской духовной семинарии за 1900-1917 гг. Его воспоминания изобилуют портретными характеристиками и тонким психологическим анализом событий и личностей, это позволило автору создать широчайшую панораму описываемого времени. Автор использует не только свои воспоминания, но и использует данные других лиц, с которыми общался в период «мемуарного творчества» (И. С. Богословский, М. М. Щеглов, В. П. Бирюков, А. Н. Шишён и др.). Однако, несмотря на всю широту воспоминаний, это только приоткрытие завесы прошлого, причём довольно субъективное. Автор

запомнил семинарию, преимущественно, по своему выпуску 1909 г. и отчасти по службе в 1914-1916 гг. Из его поля зрения выпали многие выпускники других курсов (как «богословы», так и «бунтовщики»), преподавательская деятельность и учебный процесс накануне закрытия семинарии в 1918 г. Обращая пристальное внимание на деятельность протоиерея К. М. Добронравова, А. П. Миролюбова, Н. И. Знамировского, священника Т. П. Андриевского в эти годы, автор, в тоже время, почти никак не обозначает своё личное участие в деятельности семинарии в качестве помощника инспектора и преподавателя. Отсутствуют в его воспоминаниях архиепископ Андроник (Никольский), ректоры семинарии архимандрит Феофан (Ильменский) и архимандрит Матфей (Померанцев). Семинария принимала выпускников четырёх духовных училищ: Пермского, Соликамского, Екатеринбургского и Камышловского, и все они вместе растворялись в общей массе семинаристов, но В. А. Игнатъев, преимущественно, выделяет среди них, во-первых, «своих» - камышловцев, которые по его представлению впитали в себя особенности уклада и быта духовной школы, а во-вторых, тех, с которыми позднее жил и работал в г. Свердловске, и на примере их жизни постарался доказать тезис о «живучести семинарского племени». Очевидно, что события 1917 года для автора были трагедией. Дореволюционная эпоха и Пермская духовная семинария вместе с ней представлялись В. А. Игнатъеву безвозвратно ушедшими явлениями молодости, а советское государство и коммунизм – грубой, но закономерно установившейся формой общественного устройства. Не желая признавать атеизм, автор в тоже время и не принимал авторитет Русской Православной церкви, находившейся в тисках тоталитарной системы, и не смог не оказаться подверженным процессу ломки социальных устоев после революции, гражданской войны и периода репрессий. В этом смысле, его воспоминания являются свидетельством духовной трагедии тех «богоискателей», у которых оказалась потерянной живая связь с канонической Русской Православной Церковью.

Воспоминания В. А. Игнатъева представляют большую культурологическую ценность. Они содержат интересные моменты из культурной жизни начала XX века и являются важным источником по истории повседневности того времени. В своих воспоминаниях В. А. Игнатъев отразил бытовые особенности повседневной жизни семьи, рассказал о деятельности учебных заведений и многих деятелей, которые его окружали в сложные периоды истории страны: до и после революции 1905-1907 гг., накануне и во время Первой мировой войны 1914-1918 гг., революции и гражданской войны 1917-1922 гг. (в Белоруссии В. А. Игнатъев жил в прифронтовой зоне, где встретил 1917 г., пережил немецкую и польскую оккупации). В период первых десятилетий советской власти 1920-1930-х гг. он рассказал о своей педагогической работе в советской школе с заводской молодёжью, в период Великой Отечественной войны рассказал о своей работе в тылу в голодное время, в период развития страны в 1940-1950-х гг. рассказал о своей работе и об особенностях преподавания латинского

языка в специализированных вузах. В воспоминаниях имеются очень интересные сравнения «духовников» с «городчиками», а семинарской «братвы» с гимназистами и «реалистами», истории общения и дружбы с «синими», «зелёными» и «коричневыми платьями»; сведения о концертах и выступлениях семинарской молодёжи на вечерах в городе и на селе; культурных связей между русским, украинским и белорусским народами. Автор даёт интересные портретные зарисовки многим известным людям своей эпохи. Многие эпизоды из жизни автор сравнивает с картинами известных художников, а штрихи к портретам описываемых знакомых с образами литературных героев. Автор был человеком музыкально одарённым, любил церковное пение и много места уделял в воспоминаниях увлечению пением, семинарскому хору, лучшим певцам-семинаристам, связям семинарии с культурными деятелями г. Перми. Возможно, он оказался единственным, кто настолько подробно осветил историю церковного певческого искусства в Перми в начале XX века. И хотя это искусство так и не стало для него церковной службой с углублённым вниманием к церковным канонам, как увлечение оно помогло ему сохранить добрую память и приятные воспоминания о годах своей юности, проведённой в духовной школе, а также пронести эту память через поколения. Его мемуары это исповедь человека, жившего и творившего в определённую эпоху, и стремящегося поделиться личным опытом. К большинству своих наставников и преподавателей он старался отнестись с добротой и уважением, постоянно памятуя тезис, выработанный в итоге семинаристами: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим». Воспоминания Игнатьева переплетаются в разных очерках, как в «пермской», так и в «свердловской коллекциях», как в отдельности, так и между ними, дополняя друг друга, они являются важным связующим звеном в истории целого поколения людей (бывших семинаристов – преподавателей и учёных), имеющих отношение к истории Перми и Свердловска начала и первой половины XX века.

В завершении обзора воспоминаний В. А. Игнатьева приведём отзыв его друга Н. И. Хмельнова в письме от 20 января 1969 г.: «Теперь мне понятно, чем ты занимался, находясь на пенсии, на отдыхе. Очень тяжело быть без дела. Мы, бывшие семинаристы, вымуштрованы хорошо и нам никак не по душе безделье. Ты нашёл своё «хобби» и, наверное, не жалеешь потерянное, истраченное на это время». (76)

В. А. Игнатьев представляется уникальным человеком, а его рукописи предоставляют пример для всех желающих заняться мемуарным творчеством. Полностью очерки В. А. Игнатьева ещё только предстоит изучить и наибольший интерес к ним могут иметь историки и краеведы Перми, Екатеринбурга, Камышлова, Казани, Бугуруслана, Слуцка (Белоруссия) и Челябинской области.

В 2017 г. ГКБУ «Государственный архив Пермского края» и ГКУСО «Государственный архив Свердловской области» заключили соглашение о

сотрудничестве с целью осуществления деятельности по сохранению исторической памяти о событиях и людях Пермского края и Свердловской области, воспитания патриотизма, духовности и нравственности у граждан, посредством популяризации историко-документального наследия, формирования чувства гордости за свою малую Родину, в рамках которого, в частности, был произведён обмен информационными материалами – воспоминаниями В. А. Игнатъева. «Свердловская коллекция» его воспоминаний в электронном виде пополнила семейный фонд Богословских, образовав в нём отдельную опись (Ф. р-973. Оп. 2).

При обработке текстов воспоминаний, была проведена огромная кропотливая текстологическая работа, выявлены различные группы текстовых изменений, как в «пермской коллекции», так и в «свердловской», повторные и параллельные места в очерках.

Публикация состоит из двух частей. Первую часть открывают очерки «Старая Пермь» и «Кама» - воспоминания о г. Перми глазами семинариста. Основным текстом публикации являются собственно «Очерки по истории Пермской духовной семинарии» из «пермской коллекции» воспоминаний автора: описание семинарии, очерки о педагогическом составе, обслуживающем персонале и выпускниках 1909 г. Центральной темой в первой части являются впечатления автора от событий революции 1905-1907 гг. Далее следуют очерки о жизни и работе автора в Перми и описание семинарии в годы первой мировой войны с предчувствиями от надвигавшейся новой революционной грозы. Биографические очерки «Профессор, доктор медицины Иван Степанович Богословский» и «Семейство Богословских» завершают первую часть публикации.

Основной текст сопровождается дополнениями из автобиографических очерков, касающихся учения автора в Пермской духовной семинарии. Очерки из «свердловской коллекции», полностью отсутствующие в «пермской», публикуются в основном тексте целиком, частично отсутствующие в «пермской коллекции» и расширенные части текста в «свердловской коллекции» дополняют текст публикации в примечаниях.

При подготовке публикации воспоминаний В. А. Игнатъева составлялись биографические справки на участников событий, упоминаемых в текстах, использовались списки служащих и разрядные списки учеников Пермской духовной семинарии, составленные после годичных испытаний и опубликованные в «Пермских епархиальных ведомостях» за 1880-е-1917 гг., и «Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии», составленные А. Н. Шишёвым в 1950-1970-х гг., которые хранятся в семейном фонде Богословских.

Часть примечаний указывает на фактические неточности текста автора, что является специфическим для такого рода источника.

Пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова и части слов воспроизведены в квадратных скобках. Примечания обозначаются цифрой в скобках и размещены после каждого очерка.

Фотоиллюстративные материалы представлены в виде вкладки. Порядок представленных фотографий соответствует содержанию мемуаров. В первой части представлены фотографии старой Перми и набережной Камы в почтовых открытках (здания и учреждения, о которых автор вспоминает и перечисляет в мемуарах); чертежи планов внутренних помещений семинарии, составленные самим автором; фотографии выпускников семинарии; фотографии преподавателей, которым посвящены отдельные очерки; фотографии известных людей Перми, о которых вспоминает автор; фотографии семейства Богословских – инициаторов мемуаров и В. П. Бирюкова – коллекционера рукописей.

Мемуары В. А. Игнатьева содержат множество латинских изречений, пословиц, поговорок. Самым распространённым латинским изречением, используемым В. А. Игнатьевым, является: «*Sic transit gloria mundi*», которое переводится: «Так проходит мирская слава». Смысл его простой: всё земное – призрачно, изменчиво и тленно.

Публикация воспоминаний В. А. Игнатьева в первой части имеет следующую структуру: вступительная статья, тексты очерков, вкладка с фотоиллюстрациями. В приложении имеются биографический словарь, словарь латинских выражений и именной указатель.

Воспоминания В. А. Игнатьева ранее не издавались, кроме очерка «Старая Пермь», частично опубликованного к.и.н. А. В. Шиловым в «Смышляевском сборнике» (Пермь, 2014); извлечения из очерков В. И. Игнатьева по истории Пермской духовной семинарии были опубликованы в сборнике документов «Образование в Пермской губернии XIX-начала XX вв. Из истории духовно-учебных заведений» (Пермь, 2016); воспоминания В. А. Игнатьева о брате Игнатьеве Алексее Алексеевиче использовались Ю. М. Сухаревым в статье «К биографии священника Алексея Игнатьева (1879-1937)», опубликованной в материалах VI межрегиональной научно-практической конференции «Православие на Урале: связь времён» (Екатеринбург, Уральское церковно-историческое общество; Екатеринбургская духовная семинария, 3 февраля 2017).

В. Г. Бояршинов
зам. начальника отдела
использования архивных документов
и научно-справочного аппарата

Примечания:

1. Клировая ведомость Воскресенской церкви г. Перми за 1871 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. 108. Оп. 1. Д. 14. Л. 41-41 об.
2. ПЕВ. 1879. № 23 (6 июня) (офиц.). С. 251-252. В том же году диакон Иоанн Васильевич Тетюев умер 10 (22 н. ст.) декабря, в возрасте 49 лет. ГКБУ «ГАПК». Ф. 37. Оп. 6. Д. 323. Л. 617 об.-618.

3. ЕЕВ. 1916. № 45 (6 ноября) (неофиц.). С. 394-395.
4. Из очерка «Теченское житие» (в составе «Автобиографических воспоминаний») в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 30-31.
5. Очерки В. А. Игнатъева по истории Пермской духовной семинарии. (Июнь-июль 1960 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725.
6. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 9 июля 1960 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 6-7.
7. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 2 сентября 1960 г. Там же. Л. 8.
8. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 8 сентября 1960 г. Там же. Л. 17 об.-18.
9. Автобиографические очерки В. А. Игнатъева «Петя Иконников». (Сентябрь 1960-январь 1961 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723.
10. «Семейная хроника Игнатъевых, составленная В. А. Игнатъевым». (Август-декабрь 1960 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708.
11. Биографический очерки В. А. Игнатъева «Трое» (о преподавателях латинского языка в Свердловском медицинском институте (П. А. Липин, В. А. Наумов, В. А. Игнатъев). (Октябрь 1960 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 720.
12. Биографические очерки В. А. Игнатъева о В. С. Белоусове, А. В. Затопляеве, С. А. Игнатъеве, Н. А. Игнатъеве, Б. Е. Юшкове, Л. В. Лепешинском, В. П. Луканине, И.Н. Ставровском. (Октябрь 1960 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726.
13. Биографические очерки В. А. Игнатъева «Семейство Богословских» и «Профессор, доктор медицины Иван Степанович Богословский». (Октябрь 1960 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 223.
14. Воспоминания В. А. Игнатъева о регенте Пермского семинарского хора М. В. Попове. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 727.
15. Очерки В. А. Игнатъева по истории Казанской духовной академии: о профессорах и преподавателях, студенчестве, предметах, преподаваемых в академии и др. (Декабрь 1960 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721.
16. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 14 января 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 47-47 об.
17. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 5 февраля 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 31-31 об.
18. Вымышленное село в произведениях А. С. Пушкина и местность в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина».
19. Очерки В. А. Игнатъева по истории села Русская Теча Челябинской области. (Январь-апрель 1961 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711.
20. Очерки В. А. Игнатъева по истории Зауралья. (1961 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722.
21. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 1 апреля 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 33-34.
22. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 20 апреля 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 72-73.
23. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 25 апреля 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 36 об.
24. Здесь и далее в тексте автора – подчёркивание самого автора.
25. Начало 13 псалма Давида (Библия, Псалтырь).
26. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 7 мая 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 74-75.
27. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 19 ноября 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л.45-46.

28. Философские заметки В. А. Игнатъева «Человек-земля-космос» («Человек и нормы его человечности». «Человек и кибернетика». «Метафизика и реальность». «О геоцентризме»). (Октябрь-ноябрь 1962 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 712.
29. Заметки В. А. Игнатъева «Лёд тронулся» о кибернетике. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 713.
30. Письмо В. А. Игнатъева М. М. Щеглову от 3 июня 1962 г. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 2-2 об.
31. Очерки о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище и Очерки о педагогическом составе Камышловского духовного училища (1962 г.). ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377, 385; Очерки В. А. Игнатъева по истории Камышловского духовного училища (1963 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Очерки В. А. Игнатъева о соучениках А. Борчанинове, Г. Козельском и А. Анисимове, находящиеся в составе «пермской коллекции» воспоминаний автора, более раннего происхождения (август-ноябрь 1960 г.).
32. Письмо В. П. Бирюкова В. А. Игнатъеву от 25 декабря 1962 г. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 414. Л. 1 об.
33. Воспоминания В. А. Игнатъева «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками». (Февраль 1963 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714.
34. Очерки В. А. Игнатъева «Старая Пермь» и «Кама». (Февраль-март 1963 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 716.
35. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 28 февраля 1963 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 214. Л. 7-7 об.
36. В частности, рассказ «Гибель Фингала (из жизни одной собаки)». (Март 1963 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 715; и педагогическая поэма «Наше детство и теченские штаты». (Август 1963 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 729.
37. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 10 мая 1963 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 101-101 об.
38. Воспоминания В. А. Игнатъева о поездке в Камышлов и Тимохино в августе 1963 г. (24 ноября 1963 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 717.
39. Письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 104-106 об.
40. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 21 апреля 1964 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 214. Л. 20.
41. Письмо В. П. Бирюкова В. А. Игнатъеву от 19 апреля 1964 г. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 414. Л. 5.
42. Биографический очерк В. А. Игнатъева о брате Алексее Алексеевиче Игнатъеве. (Сентябрь 1964 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 718.
43. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 13 сентября 1964 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 214. Л. 72-72 об. В ГКБУ «ГАПК» имеется «Список выпускников Пермской духовной семинарии со сведениями о их дальнейшей деятельности», составленный В. А. Игнатъевым по списку священника И. Шестакова, который содержит «сведения о лицах разных гражданских служб, студентах и духовенстве, выдлившихся чем-либо из ряда других». (ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 731), а в ГКУСО «ГАСО» - «Комментарии (аннотации)» к указанному списку И. Шестакова (фрагмент). (ГКУСО «ГАСО»). Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 133-141).
44. Письмо В. П. Бирюкова В. А. Игнатъеву от 31 декабря 1964 г. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 414. Л. 6.
45. Акт передачи документальных материалов от 14 июня 1966 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Дело фонда. Л. 1-2.

46. Письмо И. С. Богословского В. А. Игнатьеву от 28 июня 1966 г. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 415. Л. 11-11 об.
47. Бирюков В. П. «Бытописатель В. А. Игнатьев и его рукописи». (16 февраля 1968 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1273; ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 421.
48. Исключение составляют «Очерки по истории Камышловского духовного училища», которые в «пермской коллекции» более позднего происхождения, чем в «свердловской».
49. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374.
50. Там же. Д. 376. В архивной описи ошибочно указан 1954 г.
51. Там же. Д. 386.
52. Там же. Д. 378-384, 387-392, 394-395, 403.
53. Там же. Д. 377, 385. В отличие от всех остальных, эти очерки более раннего происхождения, чем в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
54. Там же. Д. 401, 402.
55. Там же. Д. 375.
56. Там же. Д. 386, 393, 396-399.
57. Там же. Д. 412.
58. Там же. Д. 395. Л.2-14 об.
59. В. А. Игнатьев. «Пути и перепутья моей жизни и педагогической деятельности («Повесть временных лет»)). ГКУСО. «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Очерк охватывает период жизни и работы автора с детства и до отъезда из Перми в 1916 г.
60. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 405.
61. См. «Образование в Пермской губернии XIX-нач. XX вв. Из истории духовно-учебных заведений». Сборник документов. Пермь, 2016.
62. ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных Комиссаров РСФСР.
63. Прежняя Пермская духовная семинария располагалась по адресу: Кунгурская ул. (Комсомольский проспект), 1. В 1930-2000-х гг. в здании бывшей семинарии размещалось Пермское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск и артиллерии (ВКИУ). Здание было капитально реконструировано (надстроены 2 этажа, перестроены: правое крыло со стороны ул. Монастырской (Орджоникидзе) и левое крыло со стороны ул. Набережная (Окулова), внешне изменён облик в формах конструктивизма с переходом к сталинскому классицизму). В настоящее время здание превращено в офисный центр «Бажов». Современная Пермская православная духовная семинария располагается по адресу: шоссе Космонавтов, 185.
64. Горовой Ф. С. Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х гг. XIX в. Молотов, 1952 // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 26954; Шилов А. В. Н. П. Седых как исследователь истории Пермской духовной семинарии // Страницы прошлого. Пермь, 1999. Вып. 2; Калинина Т. А. Педагоги и ученики Пермской духовной семинарии // Путь в историю, пути истории. Пермь, 2002. С. 101-110 // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 41606; Перескоков Л. В. Памятник истории «Пермская духовная семинария»: жизнь после смерти // Пермский дом в истории и культуре края. Выпуск 3, Пермь, 2010; Нечаев М. Г. Культурное «гнездо» российской провинции: библиотека Пермской духовной семинарии // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 5. Пермь, 2013. С. 28-50.
65. Марченко А. Н., прот. «Сто лет под покровом Пресвятой Богородицы. Русская Православная Церковь и Пермский Университет в прошлом и настоящем». Пермь, 2016. С. 8-10.

66. Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Учение Пети Иконникова в Пермской духовной семинарии»). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 48-67 об.
67. Евлогий (Георгиевский). «Путь моей жизни». («Глава 8. Инспектор семинарии»). М., 1994.
68. Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» (Учение Пети Иконникова в Казанской духовной академии»). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 68-82 об.
69. Диплом В. А. Игнатьева, кандидата богословия Казанской духовной академии (1913 г.). ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 420. Л. 2 об.
70. Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви (Синодальный период). Глава 4.
71. Мануил (Лемешевский), митроп. Русские православные иерархи. 992-1892: Биографический словарь. М., 2002-2004.
72. Имеется в виду, отказаться от жизни.
73. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 68-82 об.
74. Из «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» («Последние теченские клирики и конец «поповки»). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 574 об.-576.
75. Игнатьев Александр Алексеевич (1875-1920) – священник, расстрелян без суда в 1920 г.
Игнатьев Алексей Алексеевич (1879-1937) – протоиерей, в 1922 г. перешёл в «обновленчество», затем отказался от священного сана, репрессирован в 1937 г.
Игнатьев Иван Алексеевич (1885-1955) – обучался в Камышловском духовном училище в 1894-1897 гг. (только в приготовительном и 1-м классах), стал священником в Тобольской епархии, в начале 1920-х гг. перешёл в «обновленчество» и вторично женился, затем отказался от священного сана, занимался сельским хозяйством, работал в леспромхозе, затем конюхом, плотником.
76. Письмо Н. И. Хмельнова В. А. Игнатьеву от 20 января 1969 г. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 418. Л. 2 об.